

П О Э З И Я

Александр Миронов

С Т И Х И П О С Л Е Д Н И Х Л Е Т

ВСТУПЛЕНИЕ

Как бестелесны и просты
Плутанья наши
От новой страшной немоты
До Новой Чаши.

И вновь съдобный наш Господь
В нас слово сеет,
Но слово обретает плоть,
А плоть радеет.

Добро бы путалась в сетях
Плотских желаний —
Она безумствует в словах,
Во тьме гаданий.

Добро бы жить ей во грехе,
Словесной птахе —
Она растлит себя в стихе,
В тоске и страхе.

И снова станет небольшой
И полой чашей.
Сколь слеп чудак, своей душой
Ее назвавший.

Ей дороги одни азы,
Зиянья, ноты,
Ее прельщает Сам Язык,
Супруг Дремоты.

Он совершенен, словно шар, —
Но — бестелесный,
Уж он-то знает, что душа
Есть пар словесный.

Ничто, сплошной безумный сон
Стенящей твари,
Когда-нибудь, расщедрясь, Он
Ее одарит.

За все несчастья, за тщету
Он даст ей данность:
Венец растленья, Немоту
И Безымянность.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Душа моя, что спишь? Воспрянь, оденься,
Привыкни к первозданному труду
Творенья слов. О, лепет без младенства,
Дурь без вина... *Parole*... Мы в аду...

Зеленых смыслов и созревшей скверны,
Где флора нам являет чудеса...
Ваш труп, Ти Эс, уже созрел, наверно,
Над Темзой, где так страшно воскресать?

А впрочем, избежим пустых вопросов -
Перо скрипит, и слов непроворот...
Ваш меч, Бретон, уже расцвел, как посох,
В стране, где Сам Себя не узнает?

Там, наверху, все воедино слито,
А здесь вся чертовщина заодно;
Жан-студизус Ареопагита
Нам крутит запоздалое кино:

Всё об одном: как отыскать подругу,
Как стать поэтом, голубем, цветком...
Осточертело. Я летел по кругу
В то время, как Вергилий шел пешком,

В то время, когда ткались договоры,
Совсем как приговоры - НИ О КОМ -
Двух демиургов европейской флоры,
Писателей с гремучим языком,

Двух филинов постевропейской ночи,
В то время, как божественно цвела
В кругу своих последних одиночеств
Воспитанница Царского Села.

Всё вспоминала Тетя: тени, даты —
В плаще, в плюще, в кровавом домино...
Иные разобратся будут рады
Кто, где да в чем, а впрочем, все равно...

Parole ... Мы пьяны... Persona Grata
Зовет меня. Я думаю: уволь,
И намекаю: как-то поздновато,
Который час? Он отвечает: ноль.

Знак всех времен, геральдика Отчизны,
Ноль — это ноль — и больше ничего:
Густая плесень флоры, лепет Жизни
И Фауны глухое торжество.

БАЛЛАДА О ФЛОРЕ СЛОВЕСНОЙ

Полночный вития пером шелестит,
Преступник по черному снегу бежит,
Се, Жертва — не ведает смерти весьма.
Вития царит минотавром письма,
Чтоб смыслы дневные как жертву пожрать,
Блаженную деву из племени роз...
Неужто нам нужен сей метаморфоз?
О морок душевный, отвергнутый зять,
Неужто нам флору живую не взять?
Так в плотской тоске изнывая спешил
К заветной дыре рукоблуд-некрофил.

Почуяла дева зловещий намек:
Луна покосилась, упал голубок,
И вот Он стоит с приговором в руке,
И мелкая дробь в соколином зрачке.
Все чувства ее лепестками свело,
Но миг — и к Творцу возвратилось Число.

Осталось лишь тело — белковая клеть,
И вновь опустела словесная сеть.
Но только и нужно тебе, блудодей,
Сблудить в тишине без особых затей,
И каплет вся сила твоя промеж ног:
Словесное семя в бумажный кулек.

Жених запоздалый целует ей лоб,
Бумажные розы роняют на гроб,
Могильную норку ей выроет крот,
Преступник — пиит эпитафию ткёт.
И всё, что вотще Божеству и уму,
Парит вдохновеньем ему одному:
Шепнет ему слово — напишет он сто:
Так в воздухе княжит сплошное Ничто,
То плачет, то пляшет, упившись вином...
Уходит пиит со своих похорон,
Горя вдохновеньем, а в нем — Легион.

Пока мой пиит в мертвецах своих спит,
О ангел Тезей, посети Лабиринт
Души его, ставшей словесной тюрьмой, —
И в Слове Господнем его упокой.

ОТРАЖЕНИЯ

I

Нет, мне не разрешить загадку:
Безглазая большая рыба
Прильнет ко дну подводной лодкой,
То выстрелит ракетой в небо,
То пулей вылетит из дула.
Топологическая шутка.
Но почему одна и та же
Всегда готическая форма?
Изысканно, красиво, просто.
Не конус, не яйцо, не сфера.
А вдруг клозетные софисты
Загадку эту разгадают?

II

Но мы живем в стране подобий,
В зеркальной чаще Леонардо.
Внимая музыке различий,
Мы то стремимся расплыться,
То, прозревая ужас сходства,
Замкнуться колесом желаний:
Пить соки своего же тела.
А жажда так неутолима,
Что мнится: только выпив крови,
Съев печень дорогого друга,
Возможно вновь развоплотиться,
Истаять в крике петушином!

III

Последняя стезя — молчанье,
Нечувствие — последний вестник,
Мой проводник в зеленой чаще.
Смиранный ангел неустанно
Меня по кругу водит, плеча
И умоляя вспомнить нечто
Такое, что и сам не помнит.
Я словно просыпаюсь. Пахнет
Росой и пьяной голубикой,
Я вижу: безутешный орфик —
Олень к источнику склонился
И тянет влагу Мнемозины.

IV

— Проснитесь, чучело, проснитесь!
Что пили Вы? Ах, Вы не пили?
Ну что ж, пройдемте в отделение,
Там разберемся... Ты — кусаться?
Теперь отплатишь мне натурой...
Хотя бы здесь... не хочешь? Разве
Приятней получить фунт лиха?
Смазливый, наглый лейтенантик
Кричал, кричал и вдруг смутился,
Как будто видя отраженье...
— Чтоб больше здесь я Вас не видел!
Исчез... И стал моею частью.

КОНЦЕРТ ДЛЯ ПСИХЕИ-СФИНКС

Е. Шверц

Ах, что осталось бабочке-гордячке,
Черепогрудой дочке эфемера?
Паслене да дурман, дурь да останки
Военных пиршеств — черепа и кости.
Залетная, таинственная баби,
Она фотографирует на теле
Оскалившийся череп, Лик метели,
Себя, Господаря в распятом небе;
Насмешница бескрылым и крылатым
В чужой стране, где всякий смертью сыт,
Она то стонет раненым солдатом,
То матерью безумной прокричит.
Вся в точке и, себя разогревая,
Как дева в ожидании трамвая,
И нитью запаха влечет к себе самца...
С крыл серебристая летит пыльца
И оседает, словно Божий Страх,
На славных и бесстрашных черепах.
Она познала не из книг,
Что тайна смерти там, где похоть
Собирается в отверстый миг
И вмиг кончается Эпохой.
Из разложившихся останков
Потом наделают духов,
Добы времен на полустанках
Пленять военных женихов,
И, провожая снова в бой,
Дарить их шанкром и собой.
Вот и читай этот Черепослов:
"Лихо ли, лихо ли Лихо?
Был я таков, да и не был таков.
Ах-хи, их-хо-хо, их-хо".
В зеркало глянул — орел, молодец,
Выглянул в звездные дали,
Только затем, чтоб узнать свой крестец
Там, в роковом Зазеркалье.
Русь, Кобылица Господня, скажи,
Как это нас обскакали?

Чья это вера святая лежит
Вся в серебре и в оскале?
А всё затем, что круг за кругом
Послушница в сырой ночи
Пожары тушит с бесом-другом
И в ров бросает кирпичи,
Вопя: "Побита вражья сила!" —
Свидетельство тому — могила.
Но что осталось бабочке смысленной,
Розовогрудой нимфе эфемера,
Учившегося у Тельма смеяться,
Обняв ладонью серебристый череп?

ЖАЛОБА СТАРЦА НА ПУТИ

Если б взяли разбойники
Только книги да ларчики,
Водонос да меру муки,
Милоть да каплю маслица, —
Я послал бы им с ветром вслед
Крест и благословение.
Я узнал бы их имена
И просил бы им здравия.
Была горница прибрана,
Была доченька вымыта.
Все считали ее моей
Друженькой и Невестой.
Знали только лишь мы вдвоем
Тайну нашу постыдную —
Тем приятнее было нам
Целоваться и каяться.
Вот вошли они, черные,
Кто-откуда — в неровен час,
Кто в печную трубу вошел,
Кто из-под полу вылез вдруг.
Завлекли дочку-горлицу
В паучину пеньковую,
Обломали ей крылышки
И втроем надругались ей.
С тех-то пор и поет она
Песни дивные, странные

Или пляшет под дудочку
На посмешище муринам.
Я поиду к Монастырь-горе,
В церковь, к Старцу-Решителю,
Пусть велит оскопить меня -
Резавяжу, скажу, доченьку.
Если казни сей
Недостаточно,
Пусть оставят меня
Таким, как есть, -
Наказанным без Наказания
И помилованным - без Милости,
Без пристанища, без друга близкого,
С мелой горсткой веры нищенской.
Буду верить я, что когда-нибудь
Свет-Господь-Сам-Блуд и меня простит.

СКАЗ О ЖЕНАХ СКОМОРОШЬИХ

Две жены у скомороха -
Воздержание и девство.
Днем, когда распутник пляшет,
Веселя народ мохнатый,
Две жены, как два потока,
Возвращаются к Началам.
Вот одна из них - кокотка
И в любви не удержишь,
Воду нежно из кувшина
В амфору переливает,
Над водою наклонившись,
Чтобы капля не пролилась
На песчаный брег; другая
Шлет послание Господствам:
Господари, Господари,
Незначайте время жатвы!
Мир набух, Мошна набрякла,
Приготовилась Невеста,
Скоморох устал плясать.
Возвращаются подруги
К дому мужа-скомороха;
Смоквы спелые в кошницах,

Рыбы, свитки золотые,

Горькие в устах пророка,
Но сладчайшие во чреве.
Скоморох их так встречает:
"Ну, показывайте, бляди,
Чем вы там прибарэхлились?
О ленивицы, вам только б
Поблудить в мечтах спросонок,
При живом да грозном Муже
Помечтать о Женихе."
Девы молча в дом проходят,
Стол дровяный украшают
Разноцветными дарами.
"Муж любезный, все готово".
Все садятся вечерять.
Тут поре и спать ложиться.
Скоморох с ноги снимает
Сапожок и, опрокинув,
Выливает литру крови.
/В тех сапожках скоморошьих
Есть веселые гвоздочки -
Те, которыми когда-то
Женихе приколотили:
Потому и вышли Девы
Зв злодея-Скомороха/.
Муж ложится, рядом - девы.
Жесток, тесна скамейка.
Только девы вид видели -
Им на это наплевать.
Завернув свои подола,
Наподобье смирной Руфи,
Ластятся и льнут к плясавцу,
Шепчут странные слова.
Так, к утру, утомившись,
Все встанут и - на работу:
Скоморох в своих сапожках
Веселить народ мохнатый,
Девы вновь к своим Истокам -
Помечтать о Женихе.

+ + +

Чуть солей, чуть кровей — придушить и размять,
Трижды плюнуть на Запад, в мурло Велиарово.
Ах, скажи мне, моя Голубинья Мать,
Кто варил это страшное нежное варево?

Кто варил — тому здесь уже больше не быть:
Он варить-то сварил, а расхлебывать — ворону.
Почему же так страшно мне переходить
На ту милую, дельную, праздную сторону?

Мне и Кесарь не друг, мне и слов самосад
Сорных роз — опостылел, как вымысел Родины.
Я и знать не хочу, как Центрального Пса
Будет время топить в его красной блевотине.

В Лете, где растворяется времени нить,
Смерть вторая к душе клубом пены подкветится —
Потому так и страшно себя растворить
И увидеть червлёные буквы Акафиста.

Что не слышало ухо — не скажет язык —
Так от Века Иного до Времени Оного.
Для того, чтобы выучить эти Азы,
Надо верить коленым щипцам игемоновым.

Знать, и там ордена, как и здесь, — так чего ж
Ты, Психушка моя, притворяешься дураю?
Обточи свое тело о жертвенный нож
И прикрой, Потаскух, себя Амбразурю.

А потом поднимись и ступай, не скорбя
Ни о чем, говоря: Так и надо, и надо нам.
Андрогиново племя приветит тебя
Недомыслимым словом, забвеньем и ладном.

ДВЕ ВАРИАЦИИ

I

Как от нежного духа Жены проступает молочная запись,
осень дышит тобой, зачиная посмертную завязь.
В Петербурге, в Воронеже, в Риме — слова зелены.

Где же встретимся мы — на Волшебной горе, у Кремлевской
на равнине войны среди спелых отравленных жирных и нежных ^{стен,}
Как мы выживем, брат, если осенью мир безоружен? ^{жемчужин?}
Греховодит сентябрь, как не писанный нами закон;
кровью землю кропит, манифесты писать молоком;
греховодит жена и всю ночь и всю ночь напролет
ни себя, ни других не жалеет — хранит — не дает.
И царит Антигоны слепой безвоздушная страшная власть,
огневица в ночи, купина, вольнодумно-словесная вязь:
видно, хочет она в этом девстве опасном застыть —
обмануть как жена и опять как сестра хоронить.

П

На Волшебной горе, в стороне от неверного мира,
где текучая память порой превращается в лед,
мой потерянный брат в ароматах вина и эфира
на сеансе полночном как лебедь застольный плывет.

Ах, зачем ты сроднился с косматым плутающим веком
и в колхозном начале увидел разлет бытия?
Сорок лет, как дитя, перед страшным татарским набегом,
тебя кличет жена и безумная Леда твоя.

Сорок лет зажигае она голубые лампы
над пустою равниной глухой и гундосой страны,
сорок лет ей звучат твои паузы, волны, циклады,
кружевные слова под пустым циферблатом луны.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Полно мне тужиться, тяжбу с собой заводить.
Славно плывем мы, и много ли нужно уме
В царстве Протея, и надо ли связывать нить
Тонкого смысла с детской волною письма?

Только бы музыкой, музыкой заморозить
Муку-сестрицу, сверливую древнюю спесь.
В вальсе русалочьем скучно бедняжке кружить,
В серых зрачках ее желтая кроется месть.

Кличет Асклепий, просит флакончик вранья:
Черного хлеба газетной дуранды чуть-чуть.
А за кормом то жизнь, то жена, то змея —
Шопенины бесцельной болтливая муть.

О дурачье! Как случилось, что нам невдомек
Кто мы, откуда, зачем мы грядём в пустоту?
Странные вести принес нам опять голубок
С вечно-зеленой маслячной неправдой во рту.

ТЕМНЫЕ СТРОФЫ

Век девятнадцатый, железный...

А. Блок

Знаешь что, я думал, что больнее
Увидеть пустыми тайны слов.

И. Анненский

Или забыты, забиты, за... кто там
Так неучился стучать?

А. Ахматова

I

Есть вечная жажда. И дело не в том,
Что нет ни бяди, ни колодца,
Что ясность, как птица с лучистым крылом
Нам в руки опять не дается,
Что вечера запахов, пасха теней —
Единая наша отряда —
Как видно, о тьме и поется темней,
Бессвязней и горше, чем надо.

II

Повсюду зима, чертогон, и опять
Мы храм посещаем как рынок.
Но слишком легка и пьяна благодать,
Бегущая слезных тропинок.
Ты помнишь истории нашей конец? —
Отмкнулись могильные плиты,
Господь прослезился, и ожил мертвец,
Как век пеленами увитый.

III

Но я не к тому помянул этот дом
Болезни, забвенья и страха,
Чтоб мы словно дети в железе больном
Бряцали в церквях и на плахах,
Чтоб в жесткой коре изнывала, биясь,
Кликуша, вдова или дева,
Вопила, молилась и падала в грязь
Под сень византийского древа.

IV

А времени ход был безумен и крив,
Как бред безнадежно больного.
Сравнить ли мне чары леонтьевских слив
С эйфорией *Vita Nuova* ?
Блудницы и взрывчатых блюд поваря,
Оракулы, орфики, пташки,
Философы, дел половых мастеров
Сплелись в сумасшедшей упряжке.

V

Я их не сужу, поминую добром,
И словно со мною то было.
Блажен, кто пропел свой последний псалом,
Иному привиделось Рыло.
А третьему — Боже, за каждым углом
Какая забавная пытка! —
Мерещился желтый облупленный дом
И реяла красная свитка...

VI

Пусть страшно сверять теневые счета
Живых и забытых, забитых,
Пусть в Царстве Господнем земная тщета —
Словесная ткань — не защита, —
Возьми черный мел, наклонись и пиши
В зеркальной ночи беспредельной:
Создатель, мы — дети Словесной Души,
Рассеянной в бездне метельной.

+ + +

Если бы нас впопыхах не пришили заране,
Не подняли б — не бросили оземь — с земли,
Мы росли бы с тобой в развернутой ране
На глазах шелудивой народной семьи.

Мы метали бы бисер в укромное место,
Мы познали бы сладость семейных забот,
Мы воспели бы Честь или прелесть инцеста,
Зуд Отваги и Славы мерцающий плод.

Наши дети в плену азиатской заразы,
Ошалеv от парижских и гамбургских вин,
Развивали бы наши пути-метастазы,
Низводящие в нежный чехоточный сплин.

Всё, что было с другими, случилось бы с нами.
Так и кровь голубая отчаясь кружит.
Кронос с Хроносом встарь разменялись чинами:
Первый сечкою машет, второй потрошит.

Видишь, нам повезло. Так незримо, так тихо
Мы вступили в потешную эту игру
Неразумнее снега и сказочней лиха,
Как слова, неподвластные даже перу.

В нас и буквы, смеясь, поменялись местами,
Как священники-птицы вокруг Алтаря.
О, как страшен и вечен Играющий нами!
Тут молчание: нас порешили не зря.

Тут терпение, милость, молочное братство...
Полежим да рассудим в опричной земле.
Как без рук и без ног устоять, удержаться
На веселом, завещанном нам киселе?

The Voice of America В.М.

Я ухом к ящику приник,
где, убежав приличий,
мой неприкаянный двойник
в Америке химичит.

Легко ему меня пенять,
слепца и казнокредь.
Сам леший не сумел познать
все тайны азията.

А кто проник в глухой язык
сухой газетной плоти,
того пленил живой родник,
журчащий Аристотель:

здесь производится прием...
...тончайшей паутины.
А мы сквозь тени узнаём
веселые крестины:

попа с ветрушкой-попадъей,
купца не венском стуле,
слепца с гармонью заводной —
живой жужжащий улей.

Младенец мал и многоног,
но тут — уж не до вкуса:
еще годок — Исвйя-Блок
узрит в нем Иисуса.

А после, как в смешном кино,
над телом неотпетым
раскрутится веретено
Кромешного Завета.

О, наш народ умеет жить
среди бастиионов дачных
и нежно куколку хранить
под сенью слов прозрачных!

А ты, сбежавший от суда
американский Митя,
почаще приезжай сюда
крутить двойные нити.

Я не питал к тебе любви,
и наша связь непрочна,
но что-то есть в твоей крови...
...стахановское. Точно.

ДАНАЯ

Как можешь ты, сестрица, дева, мать,
село блаженств и чаша новоселий,
дочь, девочка — в таком богатом теле
так нежиться, блудить и тосковать?

И хлад и мраз — лишь оболочка Блага,
гаданий нескончаемый досуг.
Для дева что ни камень — то супруг,
что ни супруг — то золотая влага.

Та девочка была тебя нежней,
когда презрев превратности Закона,
она отвергла жаждущее лоно,

и Царь сошел с отеческого трона —
так, в нищете великой без урона
Сын Золотой и Муж плескался в Ней.

+ + +

О, наши жены страстны и крылаты! —
Барышник ловит свадебных щеглов —
Но что скажу я? Все слова заняты,
Освободи их, Боже, от силков!

Последнее, отчаянное — первым —
Для первого, вкусившего тщету,
Чтоб на лугу пред молчаливым Ермом
Они явили тела наготу,

И в нежной ласке, сопряженной с болью,
Звучала Явь: их царственная мать —
София танцевала в звездном поле,
Лия веселье, мир и благодать.

+ + +

На высоте российского обмена
Кружилась птица празднично и пьяно,
Людская дичь давно приелась ей.
Что там внизу — проказе иль столица?
Кто там добрее, махровее, злится? —

Избави меня, Боже, от кровей.
Во сне, венчаясь кругом ежегодным,
Я опадал листвою, чтоб стать несходным
Подобием безумца-воробья,
В невидимые веси протяженным —
Окаменеть каким-нибудь блаженным
За станом очумевшего вранья.

СТИХИ О СОЮЗАХ

...Но лишь Тебя благодаря,
Я так боялся словаря,
Его роскошного объема
Слова истощены давно,
А у Тебя Оно — одно,
Но словно — веер или омут.

И я вращал спектральный круг
До страшной белизны, в звук
Мельчал, крошился, истончался.
Над белым лепетом земли
Кружились А и Но, но И
Был послан и не возвращался.

Слова роднились властью уз.
Но стал мне бременем союз, —
Крестом безблагодатной речи.
Лишенный изголовья крест,
А вместо "Херувимской" бес
Пел песенку о скорой встрече.

И как случилось в этот раз,
Что Ты меня, как прежде, спас
Одним приемом, вечным, старым?
Как будто Посланный без сил
Вернулся вдруг и жизнь продлил,
И всё, что вкупе, стало — Даром.

+ + +

Я не знаю, откуда пришел и куда Он уходит,
Каждый год зажигая Сентябрь — семисвечник багряный —
Так еврей-бессеребренник кистью волшебною водит,
А потом умирает — и в славе своей безымянный.

И подобием страшным замлечного дивного Духа
Золотистый обман воцаряется словом расхожим,
Вновь касается острого зренья и терпкого слуха,
Теплой твари словесной, золотистой и розовой кожи.

От осеннего блуда, от простой и слепой пятерицы
Разоряется время и осень, и семя, и сени —
Так немотствует иннок в сетях роковой огневицы,
Неподвижной, прелестной, осенней мечтательной лени.

То мирская отрада — мгновение равностоянья,
Равнобедренность слов, параллели имен и созвездий,
Разорение Розы, геометрия Иня и Яня,
Богословские споры, петушиные зори поместий.

То мгновение мира — желтизна, белизна и краснота,
Увенчание праха, как будто не выжить без страха,
А за сим царский знак немоты — отрезание уха,
Возрождение в прах и восторг бичевания праха.

Здравствуй, осень! Вчера мы с тобой полгали причины
Адюльтера — без Века, без Духа, без Мужа.
Здравствуй, сладостный миг жизнестойкой и терпкой личины —
Безоружного слова вороний безрадостный ужин.

+ + +